
МОДЕЛИРОВАНИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Н.В. Пушкина

ВЗРОСЛЫЕ ДОЧЕРИ РАЗВЕДЁННЫХ РОДИТЕЛЕЙ — ПСИХОТРАВМИРУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ РАЗВОДА В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. В статье описывается психоаналитический взгляд на формирование характера и образа жизни женщин, переживших в детстве развод родителей. Обосновывается позиция, согласно которой триадные отношения важны для развития ребенка с первого года жизни. Отец всегда присутствует в жизни ребенка: или физически, когда общается и играет с ним, в результате чего ребенок усваивает иную, отличающуюся от материнской, модель взаимодействия с объектом; или в психической репрезентации матери, которая либо удовлетворена своими супружескими отношениями и может центрироваться на уходе за ребенком, либо травмирована ими и сосредоточена только на своем эмоциональном состоянии и проблемах взаимоотношения с супругом. Отец — это та фигура, благодаря которой ребенок быстрее проходит стадии сепарации и индивидуации, он выступает посредником в момент, когда ребенок усваивает эмоциональную константность объекта, и играет важную роль в успешности протекания процесса идентификации девочки. Взрослые дочери разведенных родителей часто страдают от депрессивных симптомов, тревожны в межличностных отношениях, имеют проблемы с управлением гневом и агрессией, недоверчиво относятся к мужчинам, склонны идеализировать образ настоящего мужчины и романтических отношений, в результате чего происходит разочарование в своем партнере и развод уже в своей семье. Теоретический анализ по данной теме также показал недостаток отечественных исследований в данном направлении.

Ключевые слова: психология, семья, развод родителей, дочери разведенных родителей, триада, объектные отношения, сепарация, индивидуация, депрессии, психоанализ.

«Мы тем больше способны проникнуться заботами других людей и тем больше мы живем для других, чем более уравновешено наше собственное душевное состояние. Таким образом, отцы, как и матери, находящиеся в напряжении и кризисе, менее способны быть хорошими родителями» —

Г. Фигдор¹.

Современная статистика разводов в России и в мире показывает, что это явление перестало рассматриваться в качестве редкого и позорного для общества и приобрело статус «нормального», часто встречаемого социального феномена. Исследованию развода посвящено много отечественных

и зарубежных работ, однако большинство из них имеет констатирующий и описательный характер. При таком положении вещей о разводе, психологических особенностях разведенных или разводящихся супругов и их детей пишется много, однако мало внимания уделяется глубинным процессам, причинам и механизмам, психическим репрезентациям, которые приводят к развитию именно такого типа эмоционального и поведенческого реагирования личности.

Классическая теория Фрейда была полностью интрапсихической. В ней шла речь о проблеме противостояния внутри психики влечений и защит от них. Сегодня в современном психоаналитическом знании подчеркивается взаимосвязь между интрапсихическим развитием и влиянием значимых для ребенка объектов в ходе его психического и психологического развития.

¹ Фигдор Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой (психоаналитическое исследование). М.: Наука, 1995. 376 с.

В данной статье мы рассматриваем значимость воспитания ребенка в семье, где есть мать и отец, показываем, что отцовская фигура играет важную роль в формировании и развитии ребенка уже на первом году его жизни, и описываем психологические последствия развода родителей. Постепенно, по мере своего взросления, ребенок проходит три стадии объектных отношений: монаду, диаду и триаду.

Нарциссическая стадия, на которой ребенок полностью ориентирован на удовлетворение физических потребностей и не различает Я отдельно от Другого, матери (З. Фрейд, М. Кляйн, М. Малер, А. Фрейд, и др.). По мере переживания ребенком отсутствия матери наступает стадия диадных отношений.

На стадии диадных отношений ребенок формирует привязанность и любовь к своей матери, выделяет ее в качестве либидинозного объекта (Д. Винникотт, Х. Кохут, Дж. Макдугалл, А. Фрейд и др.). Согласно М. Малер актуальными для этой стадии выступают процессы сепарации и индивидуации. Р. Шпиц считал, что в этом возрасте ребенок формирует свои первые объектные отношения. М. Кляйн утверждала, что на этом этапе ребенок познает «хорошие» и «плохие» проявления объектов, подготавливает себя к усвоению их амбивалентности.

Триада — стадия, на которой для психического развития ребенка критическое значение имеют и мать, и отец (Ж. Шассге-Смиржель, А. Фрейд, З. Фрейд и др.). Возраст наступления этапа триады разными авторами рассматривается по-разному. Так, Г. Кристал, А. Фрейд, З. Фрейд и др. считали, что триадные объектные отношения обретают свою актуальность лишь на третьем году жизни ребенка. Д. Брауншвейг, М. Кляйн, Дж. Макдугалл, М. Фэн, Р. Шпиц и др. считают, что триадные отношения важны уже на первом году жизни ребенка. В своем исследовании мы придерживаемся последнего подхода.

Чем этот подход богаче и чем он важен для нас, по сравнению с первым подходом? Во-первых, в нем справедливо учитывается тот факт, что мать при взаимодействии с ребенком, так или иначе, передает ему свое эмоциональное состояние и свою психическую репрезентацию отца. В этом плане отец присутствует в отношениях матери и ребенка всегда, т.к. он является непосредственным источником эмоциональной энергии матери. Женщина, чувствуя себя любимой своим мужем, более эмоционально устойчива и сильна. С помощью невербальных сигналов, мимики,

теплоты и нежности прикосновений, взглядов, тона голоса, улыбки и др. она постоянно передает ребенку сообщения об этом. На их основе происходят первичные идентификации.

Ребенок на нарциссической стадии находится в полной зависимости от своей матери. Передать малышу ощущение безопасности, стабильности и любви мать может только тогда, когда имеет все необходимые внутренние ресурсы, чтобы сосредоточиться на ребенке, а не на своем подавленном эмоциональном состоянии и осмыслении разлада в супружеских отношениях. Д. Брауншвейг, М. Фэн отмечали, что, для матери крайне важны удовлетворяющие ее отношения со своим супругом, иначе она может начать бессознательно рассматривать своего ребенка в качестве нарциссического объекта для самой себя. В этом случае, согласно терминологии Д. Брауншвейг, М. Фэн, ребенок становится «ребенком ночи». В последующем это может приводить к нарциссическому слиянию.

П.-К. Ракамье считал, что в этом случае мать может использовать ребенка как «объекта для себя», как продолжение самой себя. С его помощью она стремится залечить нарциссическую травму, которую нанес ее бывший супруг. Таким образом, мать, переживающая развод как личное горе бессознательно может пытаться компенсировать эту утрату за счет установления нарциссических отношений со своим ребенком. В этом случае ребенок лишается своей индивидуальности и субъективности по мере взросления. Это слияние с матерью проявит себя и в будущем, когда женщина будет строить свою семью. Отсутствие возможности самостоятельно принимать решение, зависимость от мнения другого, более влиятельного лица, матери, может стать причиной разлада отношений в новой семье.

О. Кёрнберг² выразил точку зрения, согласно которой младенцы способны легко понимать, что «отношение матери меняется в зависимости от того, присутствует отец или отсутствует».

Клинический опыт психоаналитиков (Д. Винникотт, М. Малер, Р. Шпиц и др.) показывает, что уже на первом году жизни ребенок способен отличать отца и мать как отдельных объектов и, более того, уже в этом возрасте он, так или иначе, усваивает, что его мама и папа по-разному общаются и играют с ним. На этой основе формируется понима-

² Кёрнберг О.Ф. Отношения любви: норма и патология. М.: Класс, 2000. 256 с.

ние отличий в моделях поведения мужчины и женщины, модели их взаимодействия между собой.

Такое взаимодействие уникально и не может быть заменено никаким опытом присутствия другого третьего (например, бабушки или дедушки). Только при наличии обоих родителей ребенок становится свидетелем взаимоотношений именно Отца и именно Матери. Этот опыт крайне важен для развития его понимания объектных отношений. Этот опыт повлияет на то, как сложится его будущая супружеская жизнь.

Когда ребенок становится свидетелем общения отца и матери, он начинает осознавать, что он и его мать — отдельные объекты, т.к. здесь и сейчас он исключен из взаимодействия с нею, и она занята общением с другим, третьим лицом, роль которого играет отец.

Вместе с тем, ребенок понимает, что быть отлученным от матери не означает оказаться в опасности, в условиях угрожающего мира. Мир все еще стабилен и безопасен для него, а мать, реализующая в своей заботе эту безопасность, откликается на актуальные потребности ребенка.

Таким образом, отец играет важную роль в формировании у ребенка доверия к миру, чувства стабильности и безопасности мира, а также модели отношений между автономными объектами. Через идентификацию со своим отцом ребенок познает новый, несимбиозный, уровень отношений со своей матерью. Отсутствие отца как проводника реализации этих отношений существенно продлевает период симбиотических отношений с матерью. Ситуация может крайне осложниться, если к ней прибавится стремление матери реализовать посредством ребенка свои нарциссические потребности.

Таким образом, отец, как третье лицо стимулирует процесс сепарации и индивидуации ребенка. О том, как протекают эти процессы, много писала М. Малер. Она рассматривала сепарацию как процесс, в результате которого ребенок формирует внутриличностную репрезентацию себя, отличающуюся от репрезентации матери. Результатом этого процесса является выделение матери как объекта и обретение ребенком внутреннего чувства того, что он может функционировать отдельно от матери, независимо от нее.

Индивидуация, согласно М. Малер, представляет собой процесс обретения ребенком своей идентичности, понимания уникальных индивидуальных характеристик самого себя. В наиболее благоприятном варианте сепарация и индивидуация

— это два сопровождающих друг друга процесса, и они начинают свое функционирование, когда ребенок достигает возраста 4–5 месяцев. М. Малер отмечала, что нормальный процесс сепарации-индивидуации возможен только при условии эмоциональной доступности матери.

Разлад в семейных отношениях опасен психологической нестабильностью матери, впадением в депрессию или стремлением войти с ребенком в симбиотический союз, растить его «для себя», в нем находить свою значимость, чувство того, что ее любят.

Во время развода разрываются реальные связи — между ребенком и отцом, между ребенком и матерью, когда распадается пара мать-отец, но также психический аппарат ребенка подвергается риску распада из-за своей слабости и незрелости. В диссертационном исследовании особенностей глубинно-психологических структур женщин разведенных родителей выявлены факторы, указывающие на то, что развод является катастрофой, травмой для психики ребенка. Развод, как травматическое событие остается не символизированным для ребенка из-за эмоциональной недоступности матери и отсутствия отца, «нормальное» течение и связывание влечений с объектами может быть усложнено или прервано. Незрелое Я ребенка может справиться с наплывом аффектов от потери объекта преимущественно с помощью первичных защитных механизмов, таких как отрицание, расщепление, проективная идентификация, проекция.

В интрапсихическом процессе формирования и дифференциации Я из Оно, и Сверх-Я из Я, в условиях проживания в объектных отношениях от нарциссизма до эдиповых отношений развод родителей, произошедший в раннем возрасте нарушает «гармоничный» процесс развития психики. Развод родителей может действовать ретроспективно.

«Это означает, что с человеком может произойти некоторое событие, которое не будет иметь для него серьезного смысла и последствий в тот момент — только оставит свои метки на психике. Эта «психическая матрица» получит повторное пробуждение и новое значение позже — ретроспективно, — когда спустя определенное время другое более или менее случайное событие внезапно придаст новый смысл прошлому событию» (А. Жибо³).

³ Жибо А. Психоанализ во Франции, или как научиться жить с Неопределенностью // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А.В. Рассохина. СПб.: Питер, 2005. С. 13–43.

С этой позиции не столько важны переживания во время травматического события (развода в данном случае), сколько важно преломление этих переживаний младенца или ребенка более старшего возраста в новых ситуациях. Не то, как переживались травмы в младенческом возрасте, в эдиповой фазе, а то, как они преломляются в подростковом возрасте, как они проявляются во взрослом возрасте. Это связано не только с тем, как это было пережито тогда, а связано с тем, как это переживается в данный момент.

Г. Фигдор⁴ отмечает, что в результате развода родителей ребенок может пытаться выместить свои гневные реакции на «злую мать» через неосознанную идентификацию с агрессивной частью отца. Этот процесс он называл агрессивным триангулированием и отмечал, что он начинает развиваться еще в предразводный период, когда ребенок становится свидетелем ссор или даже драк между родителями. Так ребенок привыкает разрешать конфликт между образом «злой матери», которая наказывает и ругает за проступки и плохое поведение, и «хорошей матерью», которая заботится и любит ребенка. Вместо того, что учиться преодолевать свой гнев в момент общения со «злой матерью» и усвоить, несмотря на ее строгость, она продолжает его любить, он предпочитает выражать свою агрессию напрямую. Агрессивное триангулирование существенно замедляет и осложняет процесс формирования эмоциональной константы объекта.

То, что развод родителей может оказать негативное влияние на успешность идентификации ребенка, отмечается в работах многих психоаналитиков.

З. Фрейд считал, что отсутствие либидинозного объекта для девочки существенно затрудняет процесс нормальной идентификации с матерью и может стать причиной гомосексуализма в будущем. С другой стороны, перенимаемая от матери агрессия к фигуре отца в частности и мужчины в целом может отразиться на качестве романтических отношений с мужчинами. З. Фрейд отмечал: «Именно у женщины ситуация опасности, связанная с потерей объекта, по-видимому, осталась наиболее действенной... речь уже идет не об отсутствии объекта или реальной его потере, а о потере любви со

стороны объекта»⁵. В этом психоаналитик усматривал причины возникновения истерических расстройств. Очевидно, что развод может стать одной из причин появления истерии, которая является ответом на возникшую сильную тревогу потерять любовь со стороны объекта.

Г. Фигдор отмечал, что существует опасность идентификации девочки со своим отцом, а не матерью, т.к. она, пытаясь удержать эдипов объект, может сделать его частью себя, чтобы всегда быть рядом с ним. Похожие идеи можно встретить у М. Торок, когда она говорит о феномене инкорпорации при утрате либидинозного объекта. Автор отмечает: «Для компенсации утраченного удовольствия и недостающей интроекции свершается инсталляция запрещенного объекта внутри себя»⁶.

Эти рассуждения приводят нас к анализу того, что Й. Ротманн называл конфликтом лояльности. Суть конфликта лояльности заключается в том, что любые отношения ребенку кажутся предательством и, вместе с этим, уничтожением других отношений. В ситуации развода ввиду того, что родители ревнуют своего ребенка друг к другу, ребенок усваивает, что если он проявляет любовь к одному из родителей, это означает, что он может вызвать гнев со стороны другого родителя и поставить отношения с ним под угрозу.

Опираясь на все вышесказанное, можно определить, что психотравмирующее действие развода выражается в следующих основных факторах:

- аффективное состояние матери, которая остается с ребенком и заботится о нем.
- фактическое отсутствие отца в ежедневном процессе воспитания и ухода за ребенком. Отметим также, что ребенок по мере взросления понимает, что отсутствие отца обусловлено не его смертью, а разладом супружеских отношений его родителей. Таким образом, ребенок в детстве сталкивается с примером кризиса любви и заботы между мужчиной и женщиной. Отсюда вытекает трудность формирования у него изначальной установки на возможность долгосрочных отношений, идеализацию любви, нравственной ценности брака и семьи и др.

⁴ Фигдор Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой (психоаналитическое исследование). М.: Наука, 1995. С. 156–162.

⁵ Фрейд З. Печаль и меланхолия // Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998. С. 211–231.

⁶ Торок М. Болезнь траура и фантазм чудесного трупа // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А.В. Рассохина. СПб.: Питер, 2005. С. 317–322.

Более того, ребёнок по мере взросления в силу собственного эгоцентризма склонен ставить себя в центр возникшей проблемы и обвинять себя в произошедшем. Так, М. Кляйн считала, что эта детская особенность восходит к страхам архаического Я, когда ребёнок боится, что его собственная агрессивная позиция и садизм становятся причиной безвозвратного ухода объекта.

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой ребёнок во время развода может терять обоих родителей: и отца, и мать. Так, С. Аронсон⁷ подчеркивает, что фактическое отсутствие отца сопровождается психологическим отсутствием матери, которая в этот период выглядит обеспокоенной, раздраженной, гневливой, находящейся в депрессии.

П. Бек, Н. Бьянк⁸ отмечают, что травмирующая ситуация развода заставляет родителей сосредотачиваться на своих потребностях, проблемах и чувствах и игнорировать их у своих детей, что родители нередко стремятся использовать своих детей для воздействия на второго родителя. В такой ситуации ребенок оказывается лишенным должной любви, заботы и внимания и со стороны матери, и со стороны отца.

Аффективное состояние матери, пережившей травму развода, часто сопровождается депрессией. А. Грин⁹ пишет о последствиях «белой» тревоги и сопровождающих ее депрессии и ненависти, как причины переживания утраты объекта (применительно к нашей теме: мужа) на нарциссическом уровне. З. Фрейд¹⁰ отмечал, что утрата объекта сопровождается меланхолией и неспособностью человека испытывать любовь. Ю. Кристева¹¹ пишет о замкнутости, холодности и агрессивности человека, переживающего депрессию.

Т. Огден¹² предположил, что когда ребенок сталкивается с ощущением внутренней смерти ма-

тери или родительской пары, он переживает это как смерть внутри себя самого.

Согласно А. Грину, депрессивное состояние матери воспринимается младенцем как внутренняя смерть, что наносит ему сильную нарциссическую травму, переживаемую как потеря любви и потеря смысла, а первичная идентификация происходит с «пустым» образом матери.

А. Грин указывает, что формирование комплекса мертвой матери провоцирует ребенка воспринимать отца как причину материнской дезинвестиции. Следовательно, у маленькой девочки будет формироваться базовое отношение к мужчинам как причине пустоты в жизни, которые приводят к потере любви. В ситуации развода девочка оказывается зажатой между «мертвой» матерью и недоступным отцом.

Переживания тревоги и бессилия ребенка в этой ситуации включают ряд защитных механизмов, которые дезинвестируют материнский объект и проведут несознательную идентификацию с мертвой матерью. В будущем, во взрослой жизни эта идентификация будет проявляться в том, что в объектных отношениях женщина будет активно «деинвестировать любой объект, рискующий разочаровать ее».

Это подтверждают современные исследования психологических последствий развода, произведенные Дж. Валлерштейн, Дж. Левис, С. Розентал¹³. Авторы установили, что взрослые дочери разведенных родителей чаще жалуются на кризис любви и романтических отношений со своим партнером, они реже верят в возможность долгосрочных отношений между мужчиной и женщиной, скептически относятся к браку, а также реже проявляют желание стать матерями.

Исследования К. Кан¹⁴ показывают, что, женщины, пережившие в детстве развод родителей, не могут адекватно разграничить любовь и страсть, любовь и необходимость; они менее доверчивы и более тревожны в общении с мужчинами. Также К. Кан отмечает, что женщины, которые пережили в детстве развод родителей, часто становятся жертвами развода в своей новой семье, и что эти

⁷ Aronson S. Re-Establishing «Holding» in Families of Divorce // J. Infant Child Adolesc. Psychother. 2000. № 1. P. 39–52.

⁸ Beck P, Biank N. Enhancing Therapeutic Intervention During Divorce // Psychoanal. Soc. Work. 1997. № 4. P. 63–81.

⁹ Грин А. Мертвая мать // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А.В. Рассохина. СПб.: Питер, 2005. С. 333–361.

¹⁰ Фрейд З. Печаль и меланхолия // Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998. С. 211–231.

¹¹ Кристева Ю. Черное солнце: Депрессия и меланхолия. М.: Когито-Центр, 2010. 276 с.

¹² Ogden T. Reverie and interpretation : sensing something human. London: Karnac Books, 1999.

¹³ Wallerstein J., Lewis J., Rosenthal S.P. Mothers and their children after divorce : report from a 25-year longitudinal study // Psychoanal. Psychol. 2013. № 30. P. 167–184.

¹⁴ Kahn C. Adult children of divorce : confused love seekers. By Geraldine K. Piorkowski. Westport, Conn.: Praeger 2008, 190 pp. // Psychoanal. Rev. 2010. № 97. P. 182–184.

трудности супружеских отношений передаются из поколения в поколение.

Дж. Кнокс¹⁵ указывает, что для этих женщин характерен страх любви и отношений. Разведенная мать ищет удовлетворение нарциссических потребностей в отношениях с ребенком, т.к. не может реализовать их с его отцом, она боится растущей автономии ребенка, которая способствует процессу индивидуации. Индивидуация ребенка означает и ее собственную индивидуацию и автономию, которая напоминает о ее одиночестве, кризисе супружеских отношений и которая тревожит и пугает ее. Из-за этого любые проявления самостоятельности, детского любопытства, желание нового — все подрывается со стороны матери, признается недействительным, плохим. Мать может использовать для этого весьма разные способы, иногда очень тонкие манипулятивные техники, которые, тем не менее, по-прежнему остаются разрушительными и деструктивными для развития ребенка.

В итоге ребенок начинает ощущать, что как любить, так и быть любимым одинаково опасно. Быть любимым означает полностью соответствовать требованиям матери и признать ее доминирование, потерять свою индивидуальность, отказаться от возможности быть независимой личностью; любить — означает требование, которое переживается как угроза со стороны матери, чьи собственные потребности должны всегда иметь приоритет, это кажется ребенку слишком опасным.

Единственным выходом, который видят здесь дети, — избегать отношений с объектом любви. Эта стратегия избегания любовных отношений сохраниться у девочек и во взрослости, когда они будут находиться на пороге влюбленности к своему партнеру. Детский страх любви станет доминировать и заставит их бросить эти пугающие отношения, нивелировать их ценность и возможность благополучного развития событий в будущем.

Маленькие дочери разведенных родителей неосознанно формируют деструктивную идею, что любые близкие отношения способны разрушить их индивидуальность. Они также приходят к пониманию, что эти отношения всегда принудительны, что в них есть кто-то один, кто будет управлять другим и контролировать его, подавлять.

¹⁵ Knox J. The fear of love : the denial of self in relationship // Journal of Analytical Psychology. 2007. Volume 52, Issue 5. P. 543–563.

Объясняя эту особенность, Л. Паймонт¹⁶ указывает, что супружество родителей для ребенка представляет собой контейнер для своевременного и адекватного появления аффектов, здорового психологического роста. Развод дестабилизирует развитие ребенка, т.к. этот контейнер ликвидируется, и остаются незрелые Эго-структуры ребенка с чрезмерным движением энергии внутри и снаружи.

Ш. Уэлдрон¹⁷ сравнивает это состояние с «черной дырой». По этой причине взрослые дочери разведенных родителей характеризуются незрелой самостью. Это ситуация такого генезиса Эго человека, при котором Эго не укоренено в личности, а отщепляется от нее, оно внешне ориентировано, функционирует и фокусируется на мыслях и жизни внешнего мира. Это часто приводит к диссоциации чувств и внутреннего бессознательного мира. П. Фонэги определяет это состояние, как «пустую самость»¹⁸.

«Черная дыра» возникает вследствие отсутствия объекта, матери (отца), в психике ребенка. Вместо объекта образуется «черная дыра». Без интернализированного другого ребенок не может развиваться. «Движение к реальному объекту, матери (отцу), делает абсолютную мощь черной дыры относительной и начинает переформирование ее сущности в психике»¹⁹. В концепции «черной дыры» описывается испытываемое людьми чувство пустоты внутри, чувство, что человек был выброшен за пределы жизненного пространства. Эти чувства возникают тогда, когда ребенок имел травматический опыт интернализации значимого для себя объекта. На этапе диадного взаимодействия — матери, а на этапе триадного взаимодействия — отца.

Нередко в исследованиях психоаналитиков отмечается, что у девочек, которые пережили развод родителей в раннем возрасте, наблюдаются повышенные показатели депрессивности, ряд симптомов тревожных расстройств (С. Аронсон, Ай. Калпайн, Х. Зерацион и др.). Не-

¹⁶ Piemont L. The epigenesis of psychopathology in children of divorce // Mod. Psychoanal. 2009. № 34.

¹⁷ Waldron S. «Black holes»: escaping the void // Journal of Analytical Psychology. 2013. Volume 58, Issue 1. P. 99–117.

¹⁸ Fonagy P., Gergely G., Jurist E. & Target M. Affect regulation, mentalization, and the development of the Self. London, New York: Karnac Books, 2002.

¹⁹ Waldron S. «Black holes»: escaping the void // Journal of Analytical Psychology. 2013. Volume 58, Issue 1. P. 99.

редко отмечают трудности управления гневом и агрессией, проблемы идентичности, сепарации с объектами и др.

Д. Фергассон с сотрудниками²⁰ в своих исследованиях выявили, что взрослые дети разведенных родителей предпочитают партнерские браки и сожительство официально оформленному супружеству; они чаще отмечают негативные отношения с партнером, в их романтических отношениях реже устанавливается позитивная привязанность друг к другу; и они чаще сообщают о присутствии того или иного вида насилия в отношениях со своим спутником жизни.

Л.В. Аргентова, Т.И. Пухова отмечают, что русские взрослые дочери разведенных родителей отличаются склонностью идеализировать образ «настоящего мужчины», в результате чего эти женщины изначально предъявляют непомерно завышенные требования к мужчине, его поведению и мышлению. В отношениях они неизбежно столкнутся с разочарованием в нем и снова убедятся в несостоятельности мужчин, их недостойности. Излишний критицизм приводит к разводу уже в своей семье. О. Кернберг писал: «Оборотной стороной таких идеализаций является тенденция к внезапным реакциям разочарования, трансформация идеализируемого объекта в преследующий и разрушительные отношения с ранее идеализируемыми объектами»²¹.

Исследователями отмечается, что после развода часто ухудшаются отношения между матерью и ребенком. Нередко возникают конфликты, отчужденность, агрессия и даже враждебность. Дети указывают, что мать ревнует их по отношению к бывшему супругу, хорошее отношение к нему провоцирует агрессию и недовольство у матери. Подростки в разведенной семье отвергают значимость материнской фигуры, обвиняют ее в разрушении семейных отношений, изначально настроены на конфликт с ней (О.В. Некрасова, Т.И. Пухова). Это свидетельствует о том, что кризис семейных отношений продолжается и после развода. Конфликт лояльности обостряется, и ребенок оказывается зажатым между двумя родителями, как между двумя враждующими сторонами, которые пытаются

использовать его, чтобы нанести еще больший удар друг другу.

В связи с этим, Е.Г. Якушенко²² считает, что воспитание ребенка в семье с разведенными родителями необходимо рассматривать как хронический психотравмирующий фактор. Он затрагивает личностную и эмоционально-поведенческую сферы развития ребенка. Проведя эмпирические исследования, Е.Г. Якушенко сделала вывод, что для девочек из разведенных семей характерно преобладание активных видов агрессии, состояние постоянного внутреннего напряжения, негативные эмоциональные переживания относительно своей учебной деятельности. Они чаще заостряют свое внимание на удовлетворении сиюминутно возникающих потребностей, стремятся самостоятельно, независимо, решать возникающие проблемные ситуации, не рассчитывая на помощь других.

Ряд исследований развода и его последствий (Дж. Кнокс, О.В. Некрасова, Т.И. Пухова, Е.Г. Якушенко, Д. Фергассон и др.) констатируют факт наличия эмоциональной нестабильности, тревожности, депрессивности девочек и женщин, переживших в детстве развод родителей.

Заключение

Таким образом, взрослые дочери разведенных родителей испытывают ряд трудностей в установлении конструктивных супружеских отношений. Феномен «любви» и «влюбленности» оказывается недоступным для их чувственного переживания. Это женщины, которые на неосознанном уровне заранее подготовлены к кризису их отношений с мужчинами. Наряду с тенденцией идеализировать мужской образ, они склонны критиковать и осуждать сопровождающих их спутников жизни. Это замкнутый круг, в котором дети, выросшие в недостатке любви и заботы со стороны матери и со стороны отца, оказываются несостоятельными любить своих мужей и своих детей. Это замкнутый круг, который передает травму развода из поколения в поколение.

Теоретический обзор психоаналитической литературы показал, что взрослые дочери разведенных родителей обладают целым набором спец-

²⁰ Fergusson DM, McLeod GF, Horwood JL. Parental separation/divorce in childhood and partnership outcomes at age 30 // J Child Psychol Psychiatry. 2013.

²¹ Кернберг О.Ф. Отношения любви: норма и патология. М.: Класс, 2000. С. 94.

²² Якушенко Е.Г. Клинико-психологические особенности подростков разведенных родителей. Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2008. 186 с.

ифических черт и качеств, своими особенностями глубинно-психологических структур. Можно говорить о том, что у этих женщин заранее складывается своя, специфическая, линия судьбы, которой они неосознанно следуют. Это целая социальная

группа, категория людей, нуждающихся в психологической помощи. Возможно, в этом случае целесообразно говорить не только о социальной группе, но и целом синдроме взрослых дочерей разведенных родителей?

Список литературы:

1. Грин А. Мертвая мать // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А.В. Рассохина. СПб.: Питер, 2005. С. 333–361.
2. Жибо А. Психоанализ во Франции, или как научиться жить с Неопределенностью // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А.В. Рассохина. СПб.: Питер, 2005. С. 13–43.
3. Кернберг О.Ф. Отношения любви: норма и патология. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 256 с.
4. Кляйн М. Детский психоанализ. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2010. 160 с.
5. Кристева Ю. Черное солнце: Депрессия и меланхолия. М.: Когито-Центр, 2010. 276 с.
6. Торок М. Болезнь траура и фантазм чудесного трупа // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А.В. Рассохина. СПб.: Питер, 2005. С. 317–322.
7. Фигдор Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой (психоаналитическое исследование). М.: Наука, 1995. 376 с.
8. Фрейд З. Печаль и меланхолия // Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998. С. 211–231.
9. Шпиц Р.А. Психоанализ раннего детского возраста. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. 159 с.
10. Якушенко Е.Г. Клинико-психологические особенности подростков разведенных родителей. Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2008. 186 с.
11. Aronson S. Re-Establishing «Holding» in Families of Divorce // J. Infant Child Adolesc. Psychother. 2000. № 1. P. 39–52.
12. Beck P, Biank N. Enhancing Therapeutic Intervention During Divorce // Psychoanal. Soc. Work. 1997. № 4. P. 63–81.
13. Fergusson DM, McLeod GF, Horwood JL. Parental separation/divorce in childhood and partnership outcomes at age 30 // J Child Psychol Psychiatry. 2013.
14. Fonagy P, Gergely G., Jurist E.& Target M. Affect regulation, mentalization, and the development of the Self. London, New York: Karnac Books, 2002.
15. Kahn C. Adult children of divorce: confused love seekers. By Geraldine K. Piorkowski. Westport, Conn.: Praeger 2008, 190 pp. // Psychoanal. Rev. 2010. № 97. P. 182–184.
16. Knox J. The fear of love : the denial of self in relationship // Journal of Analytical Psychology. 2007. Volume 52, Issue 5. P. 543–563.
17. Ogden T. Reverie and interpretation: sensing something human. London: Karnac Books, 1999.
18. Piemont L. The epigenesis of psychopathology in children of divorce // Mod. Psychoanal. 2009. № 34. P. 98–116.
19. Waldron S. «Black holes»: escaping the void // Journal of Analytical Psychology. 2013. Volume 58, Issue 1. P. 99–117.
20. Wallerstein J., Lewis J., Rosenthal S.P. Mothers and their children after divorce: report from a 25-year longitudinal study // Psychoanal. Psychol. 2013. № 30. P. 167–184.

References (transliteration):

1. Grin A. Mertvaya mat' // Frantsuzskaya psikhoanaliticheskaya shkola / Pod red. A. Zhibo, A.V. Rassokhina. SPb.: Piter, 2005. S. 333–361.
2. Zhibo A. Psikhoanaliz vo Frantsii, ili kak nauchit'sya zhit' s Neopredelennost'yu // Frantsuzskaya psikhoanaliticheskaya shkola / Pod red. A. Zhibo, A.V. Rassokhina. SPb.: Piter, 2005. S. 13–43.
3. Kernberg O.F. Otnosheniya lyubvi : norma i patologiya. M.: Nezavisimaya firma «Klass», 2000. 256 s.

4. Klyain M. Detskii psikhoanaliz. M.: Institut Obshchegumanitarnykh Issledovaniy, 2010. 160 s.
5. Kristeva Yu. Chernoe solntse: Depressiya i melankholiya. M.: Kogito-Tsentr, 2010. 276 s.
6. Torok M. Bolezn' traury i fantazm chudesnogo trupa // Frantsuzskaya psikhoanaliticheskaya shkola / Pod red. A. Zhibo, A.V. Rassokhina. SPb.: Piter, 2005. S. 317–322.
7. Figdor G. Deti razvedennykh roditelei : mezhdru travmoi i nadezhdoi (psikhoanaliticheskoe issledovanie). M.: Nauka, 1995. 376 s.
8. Freid Z. Pechal' i melankholiya // Freid Z. Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhoanalize. Ocherk istorii psikhoanaliza: Sbornik. SPb.: Aleteiya, 1998. S. 211–231.
9. Shpits R.A. Psikhoanaliz rannego detskogo vozrasta. M.: PER SE; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. 159 s.
10. Yakushenko E.G. Kliniko-psikhologicheskie osobennosti podrostkov razvedennykh roditelei. Diss. ... kand. psikhol. nauk. SPb., 2008. 186 s.
11. Aronson S. Re-Establishing «Holding» in Families of Divorce // J. Infant Child Adolesc. Psychother. 2000. № 1. P. 39–52.
12. Beck P., Biank N. Enhancing Therapeutic Intervention During Divorce // Psychoanal. Soc. Work. 1997. № 4. P. 63–81.
13. Fergusson DM, McLeod GF, Horwood JL. Parental separation/divorce in childhood and partnership outcomes at age 30 // J Child Psychol Psychiatry. 2013.
14. Fonagy P., Gergely G., Jurist E. & Target M. Affect regulation, mentalization, and the development of the Self. London, New York: Karnac Books, 2002.
15. Kahn C. Adult children of divorce: confused love seekers. By Geraldine K. Piorkowski. Westport, Conn.: Praeger 2008, 190 pp. // Psychoanal. Rev. 2010. № 97. P. 182–184.
16. Knox J. The fear of love : the denial of self in relationship // Journal of Analytical Psychology. 2007. Volume 52, Issue 5. P. 543–563.
17. Ogden T. Reverie and interpretation: sensing something human. London: Karnac Books, 1999.
18. Piemont L. The epigenesis of psychopathology in children of divorce // Mod. Psychoanal. 2009. № 34. P. 98–116.
19. Waldron S. «Black holes»: escaping the void // Journal of Analytical Psychology. 2013. Volume 58, Issue 1. P. 99–117.
20. Wallerstein J., Lewis J., Rosenthal S.P. Mothers and their children after divorce: report from a 25-year longitudinal study // Psychoanal. Psychol. 2013. № 30. P. 167–184.